
ВОЙНА

Во вражеском тылу в общей сложности я провел два с половиной года. Если перевести на дни — это больше 1000 дней. Каждый из них мог бы оказаться последним.

НАКАНУНЕ

21 июня 41-го года в гимназии № 20 города Львова проходил вечер отличников-учителей. Вечер был помпезный с богатым фуршетом и ценными подарками. Лучшие учителя города получали денежные премии, путевки в дома отдыха, отрезки на костюмы. Мероприятие затянулось до трех часов ночи. А в четыре утра уже началась война.

Когда я пришел домой, через 10 минут раздался телефонный звонок. Мне нужно было немедленно явиться в горисполком. За мной прислали машину, и я ехал по городу, который уже бомбили немцы. Первая бомба упала на перекрестке улицы Коперника, недалеко от центрального телеграфа. Были жертвы уже в первый час войны.

В горсовете нам выдали оружие. Был укомплектован так называемый «истребительный отряд», в который попал и я. В 8–9 утра под бомбежкой мы отправились в пригород Львова - Винники для ликвидации немецкого десанта. Но, как оказалось, наша воинская часть уже окружила десантников и уничтожила. С этого момента для меня началась война.

Я был старшим лейтенантом и имел бронь (не призывался в армию). Мне необходимо было вернуться в Днепропетровск, на свою родину. С большими трудностями мне удалось эвакуировать семью — жену и пятилетнюю дочь Валентину.

БЕЙ ЖИДОВ И КОМИССАРОВ

Когда добрался в Днепропетровск, от партийных органов получил предложение оставаться во вражеском тылу, в подполье. Задача была единственной — информировать население о положении на фронтах. Специальной подготовки у нас никакой не было, и времени для этого тоже не оставалось.

Я был легализован в Петропавловский район Днепропетровской области и за месяц до прихода немцев получил должность — заведующего начальной школой села Николаевка колхоза Карла Маркса. Секретарь райкома партии привез мне центнер газетной бумаги, пишущую машинку «Ленинград» с широкой кареткой, примитивный множительный аппарат и пистолет «Наган». Все это было моим имуществом для выполнения боевого задания — слушать радио, печатать листовки и вести просветительскую работу среди населения.

Поселился я в доме председателя колхоза Калюжного, который на второй день войны был мобилизован в армию. А в соседнем селе Веселом жили мои хорошие знакомые — Саливон, Степаненко, Демиденко, Путий, на поддержку которых я рассчитывал. Я решил проведать это село еще до прихода вражеских войск.

Оказалось, что там находились еще наши войска — заградительный отряд. Меня остановил красноармеец и, сдабривая речь матерщиной, стал допытываться, куда я иду. А у меня при себе было две листовки (для прохода в тыл к немцам) с таким текстом: «Бей жидов и комиссаров». Далее следовало приглашение перейти на немецкую сторону, захватив с собой пару чистого белья и столовые принадлежности для питания. Короче говоря, я «попал».

Меня провели в дом, где сидел старший. Он прочитал листовки и сказал красноармейцу, который меня доставил: «Зачем ты сюда привел эту сволочь, мог бы рассчитаться с ним за домом». Я понял, что дело «запахло керосином», но я не имел никакого права сказать правду этому человеку. У меня кроме листовок не было никаких документов, подтверждающих мою личность. И лейтенант имел полное право считать меня перебежчиком, что он и сделал. «Уведи его за сарай и шлепни», — распорядился он.

У меня не оставалось никакого шанса, и я понял что могу не приступить к выполнению задания в подполье. Тогда я потребовал, чтобы солдат вышел из комнаты, и я рассказал офицеру, с какой целью я был оставлен в тылу врага. Не знаю почему, но он мне поверил и отпустил на свободу. А спустя несколько часов, этот офицер и последние солдаты нашей армии ушли из села.

ДВА ПРИЯТЕЛЯ

В начале 42-го года, на Рождество, в руки немцев попали секретарь сельсовета Малеев, директор местной школы Козаченко

и председатель колхоза Мороз. Все они были оставлены в подполье, в партизанском отряде. 2 января немцы их расстреляли.

Мне нужно было немедленно уходить с моей нелегальной квартиры. Мороз стоял сорок градусов. А одежда у меня была — ватные брюки, бурки (валенки с калошами) и заячья шапка. Надев все это, я ушел в степь.

На хуторе Солнцева жил мой приятель, Перекрестов, который заведовал начальной школой. Он остался в тылу, так как в армию его не взяли по состоянию здоровья. Я считал его порядочным человеком.

Поздно вечером, в темноте, я с трудом добрался по морозу к его домику и постучал. Он перепуганный открыл дверь и вышел в коридор. На мою просьбу пустить меня переночевать, он замахал руками и сказал: «Я не хочу рисковать своей семьей. Откуда Вы пришли, туда и возвращайтесь», — и захлопнул за мной двери. Я его просил, чтобы он мне разрешил переночевать хотя бы в коровнике. Но тоже получил отказ.

Я ушел в степь. Нашел заброшенный комбайн, и чтобы спрятаться от пронизывающего ветра, залез в его барабан. А через некоторое время я почувствовал, что я замерзаю. Через силу выкатился на снег, сначала встал на четвереньки, потом уже на ноги и пешком прошел 4 км до соседнего Шевченковского хутора.

Там жил Александр Иванович Феденко, тоже мой приятель, учитель начальной школы, приятнейший человек. Я рискнул попроситься к нему на ночлег, и он меня приютил. Он был голодный — кроме мелкого картофеля и непонятной муки у него ничего не было, но я прожил у него целую неделю.

Вот так в беде познавались приятели.

СТАКАН ТАБАКА

От Феденко я решил вернуться на свой хутор. Узнал, что там спокойно и двинулся в путь. Но по дороге пришлось зайти в другой хутор — раздобыть курева.

Во время войны я очень много курил, мог выкурить 1–2 пачки папирос в день, если они были. Но курили мы в основном кременчугскую махорку. И вот у меня не осталось ни единого грамма табака. Я был голоден, но еще сильнее хотелось курить.

На хуторе я обратился к одной хозяйке дома, но она сказала, что такого «добра» не держит, посоветовала подойти к соседям. Я зашел к ним и попросил табака хотя бы на одну папиросу. Но женщина ответила, что у нее есть табак, но где это видано, чтобы

в такое трудное время табак раздавали просто так. «Я только меняю», — подытожила она нашу беседу и показала мне на дверь, намекая, чтобы я убирался.

А у меня желание закурить было просто непреодолимое. Тогда я демонстративно снял куртку, положил ее на лавку, снял верхнюю рубашку и отдал ей, предложив обменять ее стакан табака. Она взяла рубашку и стала деловито рассматривать ее на свет — нет ли там дырок. Затем аккуратно сложила ее и насыпала мне маленький стаканчик табака. Я надел куртку на нижнее белье, закурил, и ушел из этого дома.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОЛИЦИЯ

Когда я вернулся в свое село, мои Веселовские друзья посоветовали мне оставаться в Веселом, что я и сделал.

Меня устроили на железную дорогу ремонтным рабочим на отрезке дороги Чаплино-Межевая. Бригада, в которой я работал, была объектом моей подпольной деятельности, особенно бригадир Ваня Волк, который мне помогал.

Но через несколько дней меня разыскала Межевская полиция и забрала как подозрительную личность для проверки. Посадили меня в подвал, в котором бегали крысы, с ними я и переночевал в полиции. А утром состоялось мое свидание с ее начальником. Я помню его как сейчас, развалистый такой мужик, который серию вопросов в мой адрес завершил словами: «Вы же знаете, что наша власть не такая простая, с ней нужно считаться».

Готовясь к работе в тылу, я предусмотрительно спрятал во внутренний карман статью в газете «Зирка», в которой меня называли националистическим «охвистям» и призывали очистить школы от таких, как я. Когда я показал ее пану начальнику, его лицо посветлело, и даже появилась улыбка. «Так Вы наш человек! — обрадовался он. — Извините, что с Вами так некорректно поступили». И тут же предложил мне должность секретаря полиции.

Я понимал, что шутить с этим нечего. Три дня думал, что делать дальше. Один вариант был — легализоваться в полиции и работать на наше подполье. Но я отбросил его и принял решение — уходить.

САМОГОН

Это была не первая моя встреча с полицией. Впервые они нагрянули ко мне на конспиративную квартиру в Петропавловке.

Я как раз был дома. Сначала они проверили документы, а потом начали обыск. Забрали сапоги отца, сало, а затем полезли на чердак. А там было спрятано под стрехой все мое «имущество». Я уж было подумал, что все пропало, когда на мое счастье на пути полицаев попала трехлитровая сулея самогона.

Они так обрадовались, что стащили выпивку с горища и незамедлительно начали пировать. Самогон пили стаканами, закусывали салом, и вскоре дошли до «нужной кондиции». Я понял, что они уже не владеют собой, набросил на себя свытыну, шапку и тихо ушел.

Ушел в степь. По снегу и морозу. Никто меня, конечно, не преследовал. Я нашел заброшенный курятник и там остался на ночлег.

СПАСИТЕЛЬНИЦА МУСЯ

После второй встречи с полицией, когда вопрос стал ребром, я ушел в Днепропетровск. С Межевой шел пешком (это примерно 140 км).

Устроили меня в семье Редькиных. Глава этой семьи был машинистом железной дороги, он ушел на фронт. Оставалась его супруга и три дочери — Мара, Зина и Нона (сейчас живет и здравствует). У них была коза, которую пасла Нона, и Редькины девочки все время пытались меня научить пить козье молоко. Но им это так и не удалось.

Днепропетровское нелегальное подполье помогло мне устроиться в немецкую Фирму «Украинель». Я был сначала назначен грузчиком, а потом немец, начальник фирмы Мюллер, узнал, что я учитель по специальности и предложил мне должность счетовода фирмы. Я принял это предложение. В фирме я познакомился с Мусей Блудовой, очень симпатичной женщиной, которая работала секретаршей, а также с Сашей — водителем шефа.

Заместителем начальника этой фирмы был Роммель. С его секретаршей, которая немного знала русский, я тоже завел контакты. Немцы ко мне хорошо относились, даже ставили другим в пример и выдавали продуктовый паек. Самым ценным его содержимым для меня была ливерная колбаса.

Муся Блудова стала моей машинисткой и печатала листовки. Она регулярно слушала сводки Совинформбюро, стенографировала их, и хоть редко, но нам удавалось на их основе выпустить листовки. Одна из них была посвящена Сталинградской битве.

Однажды мы с Мусей вышли из конторы, и пошли вниз по проспекту Карла Марка (при немцах его переименовали в улицу

Широкою). Был сильней гололед. На наших глазах немецкий офицер со всего размаху шлепнулся на задницу. Я не удержался и захохотал. Тогда офицер поднялся и ударил меня по лицу, потом повалил на лед и стал бить ногами почем зря. В моем боковом кармане был дамский пистолет-мухобойка шестимиллиметрового калибра. И я по своей горячности полез за ним в карман. Но в этот момент Муся упала на меня сверху и не дала мне возможность вытащить оружие. Фактически она спасла мне жизнь, да и себе тоже.

С ЧЕГО НАЧАЛСЯ БЕРЕЗНЯК - РАЗВЕДЧИК

Был освобожден Днепропетровск. Я начал работать в областном комитете партии. Занимал высокую должность, имел квартиру и все условия для того, чтобы жить и работать, уже не воевать.

Но я не представлял себя вне войны и вне борьбы. Злодеяния гитлеровцев, которые я видел своими глазами, не давали мне покоя и не выходили из головы. Я нигде и никому об этом не говорил: ни на митингах, ни в частных разговорах, это было то, что в душе.

Когда работники разведки 3-го Украинского фронта узнали о моей работе в подполье, решили со мной познакомиться, а затем, после беседы, предложили ехать в Московскую школу разведчиков Генерального штаба, я без раздумий дал свое согласие. Уже потом об этом рассказал Первому секретарю обкома. И Георгий Гаврилович Дементьев мне сказал так: «Для тебя война закончилась и на фронт ты не пойдешь». А ему ответил, что все уже решил сам.

Разведчики еще при первой встрече обрисовали мне, что такое оперативная военная разведка. Они не скрывали, что берут только желающих и что, как правило, с заданий не возвращаются 70% из тех, из тех, кто их выполнял. Но эта информация не изменила мое решение.

Я приехал в Москву уже по командировке 3-го Украинского фронта. Школа разведчиков была строго законспирирована. Сначала у меня была явка на Воробьевых горах. На второй день ко мне подошел представитель школы и, убедившись, что я тот человек, кого он встречал, увез меня на дачу к Михаилу Ивановичу Калинину, которая располагалась в 25 км от Москвы в местечке Сходня. Там находилось отделение школы разведки, в котором обучалось 14 человек. Это были самые разнообразные люди. Никто из них не знал моего настоящего имени и кто я такой. В свою очередь и мне ничего абсолютно не было известно

о моих соучениках, разве что потом выяснилось, кто откуда приехал.

В нашем отделении учились даже два белогвардейских офицера. Они оба были уже в годах, лет так за пятьдесят. Их тоже готовили в агентурную разведку, и они считались ценными кадрами, потому, что с их белогвардейским статусом им даже проще было легализоваться.

С теми, кто учился в этой особой школе, я больше никогда в жизни не встречался. Уже после войны мне стало известно, что все они погибли, выполняя задание.

В книге «Империя ГРУ» навечно записаны имена тысячи военных разведчиков, но мало кто из них остался в живых после войны. К большому сожалению, значительная часть из них расстреляна органами госбезопасности. Людей, которые выполнили свое задание, но в их работе были некоторые шероховатости или хотя бы намек на то, что они могли быть завербованы иностранной разведкой, наши же пускали в расход. Следует признать, что наши контрразведчики и сотрудники «Смерш» очень ревностно относились к военным разведчикам.

Предметы, которые мы изучали в школе разведчиков были самые разнообразные. Главный из них — изучение вражеской армии. После окончания школы я знал немецкую армию лучше, чем советскую. Еще нас учили, как легализоваться, использовать легенды, пользоваться дубками (передавать информацию через специальные тайники) и многим другим премудростям. Большое внимание уделялось также парашютному спорту, ходьбе на лыжах и хождению по азимуту.

СТЕПАНОВИЧ

Школу я закончил с отличием, потому, что сумел блестяще легализоваться по фальшивым документам в Москве во время войны. Такую задачу в качестве практики мне поставили в школе.

А выполнил я ее просто. Ехал в электричке со Сходни в Москву и познакомился с одной дивчиной. Она мне рассказала, что работает на московской табачной фабрике «Дукат». Я воспользовался этим знакомством, и по поддельным документам, согласно которым я якобы выписался из военного госпиталя, устроился на эту же фабрику работать.

Документы мне помог сделать мой приятель из Одессы Олег (имя вымышленное). Он здорово вырезал любые печати из ре-

зины. Олег, к сожалению, погиб при десантировании. Об этом я узнал потом в Разведуправлении.

На фабрике я добросовестно проработал две недели. За это время я успел добыть все необходимые документы о предприятии: какими партиями и на какой фронт отправляются табачные изделия. Эти данные интересовали разведку и были полезными.

В школе я проучился пол года (январь 1944 — начало июля 1944-го). И в июле был уже откомандирован в штаб 3-го Украинского фронта и назначен руководителем разведывательной группы оперативной военной разведки. Вот с этого времени я мог уже считаться настоящим разведчиком.

В Штабе мне представили моего заместителя — Алешу Шаповалова (по кличке «Гроза»). Он мне понравился. Общительный, с чувством юмора и не болтун. А потом я познакомился и со своей радисткой — Асей Жуковой (по кличке «Груша»).

Мне были известны не только их клички, но и вся их родословная. А они обо мне ничего не знали. Ася называла меня дядя Вася, хотя я был ее не на много старше, а Алеша называл меня Василий Степанович.

Вообще за все время моего пребывания в разведке я ни разу не менял своего отчества. Имена были разные, но я всегда оставался Степановичем, не хотел менять имя своего отца.

В ТЫЛУ

В ночь с 18 на 19 августа 1944 года наша группа разведчиков была заброшена в район Кракова, во вражеский тыл.

С этой фразы множество раз начинал свой рассказ о том, как наша группа 156 дней действовала во вражеском тылу.

Мы должны были вести систематическое наблюдение за воинскими перевозками через Краковский узел железных и шоссейных дорог. Нас интересовал гарнизон Кракова, дислокация немецких частей и подразделений. У нас также было задание разведать и проверить укрепление на Висле и в районе Кракова. Разведка плана заминирования этого города изначально не было нашей задачей, потому, что никто не предполагал, что немцы это сделают.

Первое сообщение о том, что гитлеровцы собираются взорвать Краков, мы получили от польского подполья, а именно от Юзефа Присака. Он был сторожем на частных усадьбах в пригородах Кракова. Юзеф пригласил к себе в гости немцев, которые рыли траншею по направлению к городу и угостил их самогоном. Под-

выпив, они разболтали, что готовится взрыв Кракова, и стали изображать, как это будет выглядеть.

Так возникла догадка: чтобы взорвать город немцы прокладывают кабель. Догадку подтвердила наша связная Валентина Зайонц. Рассказывая об этом, она от волнения чуть не потеряла сознание — настолько любила свой родной город. Валентина сообщила, что немцы днем и ночью завозят огромное количество взрывчатки. Это было за месяц до освобождения Кракова.

Потом, когда мы пленили инженера краковского укрепрайона Курта Пеккеля, он подтвердил наши догадки. Их подтвердил и Гартман. Он сделал чертеж заминирования Кракова, который мы направили через линию фронта командованию.

В связи с этим были сделаны корректировки маршрута первых частей армии Конева, наши войска прорвались туда, где был установлен рубильник, и саперы обезвредили его. Краков был спасен.

КРАКОВ

Этот город я изучал по материалам, которые мне предоставляли разведчики, готовившие меня для выполнения задания. Я знал Краков, как свои пять пальцев еще до того, как туда попал. В сам город мы не десантировались, и побывали в нем уже после его освобождения.

Я оказался в Кракове раньше всех, когда, после неудачного приземления меня нашли полицаи, задремавшего в лесу. Первым учреждением, которое я посетил в этом прекрасном городе, была тюрьма «Монтелюпиха».

Когда мне в гестапо предъявили план Кракова и, пытаясь запутать, показали на карте рынок Тандета, как главный рынок города, я сказал следователю, что он ошибся. Тот согласился и ответил, что, наверное, когда я летел к ним, то серьезно изучал Краков. Он был прав.

Я знал Краков, как древнюю столицу Польши. Это была резиденция польских королей XI–XII века. В этом городе я знал шедевры градостроения этого времени, но только после войны я имел возможность ощутить их красоту.

Я побывал в Сукеницах, в «Доме под баранами» и других исторических местах. В Краковском университете, который стал потом называется Ягелонским, учился Коперник, а потом преподавал в нем. Там и сейчас находится глобус и другие вещи, которыми он пользовался.

Во время войны, Краков ожидала та же участь, что и Варшаву. Буквально через неделю гитлеровцы взяли на учет всю варшавскую элиту. Потом их планомерно, каждую ночь, вывозили за пределы города, расстреливали и закапывали.

Такая акция была подготовлена немцами и в Кракове. Но польское подполье не позволило ей осуществиться. Они сообщили в Международный Красный Крест и другим общественным организациям о том, что гитлеровцы готовятся повторить варшавскую операцию в Кракове. Гитлеровцы вынуждены были остановить ее проведение.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

12 января 1945 года в 7 часов по московскому времени мой заместитель Алеша Шаповалов, старший лейтенант Советской армии зашел в служебный кабинет немецкой абверкоманды 115. Ее руководитель Гартман Курт Юрьевич поднялся из-за своего рабочего стола и объявил Алеше о том, что час тому (в 6 утра) началось большое наступление войск маршала Конева в направлении Кракова.

— Через несколько дней, — сказал он Алексею, — ваши танки будут на улицах Кракова.

К этому времени Алеша Шаповалов был легализован с разрешения командования фронтом в абверкоманде 315 и работал у Гартмана осведомителем. А Гартман в свою очередь работал осведомителем нашей разведки под кличкой Правдивый.

Это фантастика. Но все это было на самом деле.

При помощи Гартмана мы разоблачили полностью все дивизии гитлеровской 17-й армии. Мы знали состав дивизий, расположение штабов и много других точных сведений.

Гартман помог нам полностью расшифровать немецкий гарнизон в Кракове. Все батальоны, входящие в гарнизон были нанесены на нашу карту. Мы знали их состав, адреса, места расположения штабов. Мы также уточнили расположение пункта, с которого можно было взорвать Краков.

У нас были точные данные относительно 20-й немецкой танковой дивизии, которая была передислоцирована со Словакии и расположилась на окраине Кракова.

А 13 января, на второй день после того, как Алеша узнал, что наши скоро будут в Кракове, я получил приказ командования фронтом вместе с немцами отходить на запад.

Мы же были уже настроены на то, что через несколько дней уже не будем во вражеском тылу, а будем среди своих. Но так не получилось, начальство было безжалостным.

Перед нами стояла задача: передислоцироваться в горную Силезию и там легализоваться и продолжать выполнять боевое задание. Я должен был подчиниться.

Началось большое отступление немцев, а мы передвигались параллельно с ними. Немцы шли по шоссе на дорогах, мы же - по их обочинам на расстоянии 1–2 километров. Это передвижение было исключительно сложным.

Двигаясь на запад, мы остановились на хуторе Биньковка и поселились в одной «хатыне», которая располагалась в лесу. Утром хлопцы получили от меня задание — вести наблюдение за передвижением немецких войск. В доме остались две радистки, Саша Гатаулин, наш повар и я.

Когда я вышел из дома и сделал несколько шагов, на расстоянии 100 метров появилась группа вооруженных гитлеровцев. Я нацелил на немцев свой автомат и не своим, надрывным голосом крикнул: «Хальт! Хендехох!». От неожиданности они просто замерли на месте с поднятыми руками.

Сашка выбежал из дома с автоматом, выскочили перепуганные девчата. Я приказал забрать у немцев оружие. Их было 9 человек артиллеристов с автоматами и оптическими приборами плюс еще радист из штаба 59-го военного корпуса.

Этот день мог стать последним. Не только для меня, но и моих боевых товарищей, всей нашей группы. Но он оказался последним днем нашего пребывания во вражеском тылу. Мы перешли линию фронта, а немцев сдали в Мислинице в лагерь для военнопленных. Оттуда на «студебеккере» я переправился в Краков.

СУДЬБА ГАРТМАНА

Для того, чтобы Гартман мог перейти линию фронта, я дал ему пароль. Но наши разведчики ему не поверили, и некоторое время был в нашем плену.

Но потом, когда все же выяснили, кем он был на самом деле, его взяли уже в нашу разведку, и он при советской власти работал резидентом в Турции в Стамбуле. Гартман был легализован в американской фирме. Когда же американцы узнали, что он знает русский язык, они пытались завербовать его в свою разведку. Гартман испугался этой вербовки, доложил своему резиденту, который находился в Швейцарии, и его отозвали.

В Стамбуле он женился на армянке, и уже вместе с женой его поселили в Ереване, дали квартиру и пенсию.

У меня от Гартмана сохранилось множество писем. Но однажды случайно встретился с ним лично. Был я в служебной командировке, в Ереване. Приехал на совещание по просветительским вопросам. Центральный комитет партии Армении попросил меня выступить со своими воспоминаниями о войне на телевидении.

После этого выступления я в гостинице получил такую записку: «Уважаемый Евгений Степанович! Позвоните мне по телефону». Дальше значился номер. Я не знал, тот ли это Гартман, и с волнением набрал номер. В ответ услышал его голос.

Через час Гартман уже сидел в моем номере со своей супругой. Он рассказал о своей дальнейшей судьбе, которая сложилась после войны. Были, конечно, слезы.

Оказалось, что когда его уже сняли с должности советские разведчики, он привез с собой из Стамбула 20 тысяч долларов. Наши органы КГБ деньги у него забрали, дав ему взамен пару тысяч рублей компенсации.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я хорошо помню этот день. Он был солнечный и очень теплый — градусов 25. Я в этот день находился в Дрездене. Все были на таком подъеме, радовались Победе, стреляли из пистолетов до последнего патрона.

Потом решили пойти на окраину города, чтобы окунуться в озеро. Я познакомился с одним майором, тоже руководителем десантной группы. Но ни имени, ни фамилии его я не знал. Он примкнул к нашей компании желающих искупаться.

Этот парень нырнул первым, и... взорвалась мина.

Страшно. Нелепо. Невыносимо. Пережить всю войну, дождаться Победы и вот так погибнуть...

НАДЗОР

В августе 1945 года нас выпустили из лагеря НКВД № 174 города Подольска, где мы проходили государственную проверку. Помогли нам выйти наши разведчики из Главупра.

В начале второй половины августа мы вернулись в Львов. А в сентябре Ольга, моя радистка, родила сына, которого мы назвали Василий. Это было мое имя — разведчика Березняка. В разведгруппе мама Василия была Ольгой, а ее настоящее имя — Елизавета.

Евгений Березняк, 1946 г.

Василий мне очень дорог, он живет и здравствует во Львове со своей семьей, имеет уже внуков. В 1954 году мы расстались с Ольгой. Я уехал в Киев, в Министерство образования, а она осталась работать на железной дороге во Львове.

По возвращении из лагеря я был сразу взят на учет органами госбезопасности, и с этих пор началась скрупулезная слежка за каждым шагом моей деятельности. Впервые я это ощутил во Львове. Мой сосед, который жил напротив и заходил ко мне в гости, однажды, «потянув» лишнюю рюмку, спросил: «А кто у тебя был в доме за прошлую неделю?». На что я ему, шутя, ответил: «А какое твое дело?». И тут он признался: «Ты, - говорит, - мне рассказывай, кто у тебя бывает, а то мне нужно каждый месяц на тебя доносить».

Когда я позже стал работать в Министерстве образования, мне не разрешали заграничные выезды вообще, и даже было запрещено бывать в погранрайонах.

Только в 1962 году я впервые почувствовал, что освободился от надзора и слежки, а в 1965 году мне разрешили выехать в ГДР в служебную командировку.

ЗДРАВСТВУЙ, МАЙОР ВИХРЬ!

Когда я вернулся во Львов, мое начальство по линии партийных органов, по линии просвещения не знало и не могло знать, что я выполнял особо важные боевые задания по линии военной разведки во вражеском тылу.

В своих анкетах, поступая на работу, я писал всегда в графе «служба в армии», что служил на 1-м Украинском фронте с указанием номера воинской части.

Мой отец жил после окончания Великой Отечественной еще 10 лет, и он тоже не знал, что я служил в разведке. Не знала моя семья, не знали и сотрудники.

Из-за своей вымышленной легенды я много потерял. Когда подводили итоги работы Днепропетровского подполья и раздавали награды, никто не мог понять, куда девался Березняк во время войны, работая в областном комитете партии. Ходили даже слухи, что я подался к немцам и стал предателем. По этой причине за свою работу в подполье, я не получил ни единой награды и по сей день.

Когда впервые в 1967 году появился фильм «Майор Вихрь» о деятельности военных разведчиков, меня, капитана Березняка, назвали в нем майором Вихрем.

БЫЛИ ВОЕННЫХ ЛЕТ ЗДРАВСТВУЙ, МАЙОР ВИХРЬ!

АЛЕКСАНДРИЙ ГЕРОЙ МНОГОСЕРИЙНОГО ТЕЛЕФИЛМА ЖИВ

Здравствуй, майор Вихрь! Ты жив, здоров и работаешь в Министерстве вооружения. Это была сенсация. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения. Это была сенсация.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

В июле 1968 года вышел фильм «Здравствуй, майор Вихрь!». Фильм стал сенсацией. И все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения.

«Здравствуй, майор Вихрь» — статья, опубликованная в газете «Известия» в 1968 году, после которой все узнали, кто был прототипом майора Вихря в одноименном фильме Юлиана Семенова

А после выхода фильма в газете «Известия» появилась публикация «Здравствуй, майор Вихрь», и все узнали, что этот Вихрь жив, здоров и работает в Министерстве вооружения. Это была сенсация.

Я уже работал в Министерстве 15 или больше лет, когда вышла эта публикация. Очень забавно, что мои сотрудники из Главного управления приходили на меня посмотреть, как будто никогда не видели. Они не заходили ко мне в кабинет, а заглядывали через дверь, пытаясь разглядеть во мне разведчика. Потом мои коллеги рассказывали, что ехали в Киев даже из областей, чтобы своими глазами посмотреть, как Березняк превратился в майора Вихря.

После этой газетной публикации в течении двух-трех недель я получил более семи тысяч писем. На письма нужно было отвечать, особенно молодежи. Я знал это как педагог, и честно пытался это делать. А потом пришел к мысли, что нужно написать книгу, которую могли бы сразу прочитать многие.

И я это сделал. Назвал ее «Я — голос». Это было кодовое название нашей группы и моя кличка. На самом деле я был не майор Вихрь, а Голос. Майором Вихрем меня окрестил Юлиан Семенов, когда я стал прототипом его художественного произведения.

Позже в России вышла моя книга о тех же событиях под названием «Операция Голос». А в Киеве она издавалась 4 раза — два раза на украинском и два раза на польском. Потом она вышла в Польше, Болгарии, Узбекистане.

Рассказывая о своем участии в военной разведке, я ограничился небольшими отрывками и памятными эпизодами. Все остальное можно прочитать в этих изданиях.

ПОЛЬСКИЕ ПОБРАТИМЫ

Если говорить о выполнении задания нашей разведгруппой, хотел бы особо подчеркнуть: без польских товарищей мы бы не смогли его выполнить вообще. Именно поляки организовывали нам явки, квартиры, помогали с питанием, оказывали практическую помощь в добыче нужной информации.

За оказанную нам помощь шестеро из них награждены орденами «Великой Отечественной войны». Эту награду посмертно получил хозяин нашей квартиры, Михал Врубель, который находился в Освенциме и был расстрелян немцами буквально за несколько дней до победы. Посмертно также награжден наш осведомитель Юзеф Присак, который добывал для нас ценные сведения об укреплениях на Висле и в Кракове. Эти награды получила и семья Зайонцев и наш связной и осведомитель Станислав Очкость.

В Польше во время войны меня знали, как капитана Михайлова. И сейчас мои польские побратимы называют меня этим именем. Извиняются, но говорят, что так привыкли.

Как ни странно, но поляки первыми узнали мое настоящее имя через 20 лет после окончания войны. И первую награду за выполнение боевого задания в Кракове я получил не от нашего государства, а от польского Правительства. В 1964 году я был награжден орденом «Виртути Милитари» — самым высоким военным орденом.

А уже в 1965 году я был впервые награжден орденом «Великой Отечественной войны» I степени Правительством Советского Союза.

Когда же в 1962 году я получил свое первое приглашение посетить Польшу после войны, меня не пустили. В отделе зарубежных связей Центрального Комитета партии мне сказали, что сейчас в Кракове неблагоприятная обстановка, чтобы туда ехать. На что я ответил: «А что в то время, когда в августе 44-го меня десантировали в район Кракова, где орудовало гестапо, Абвер

и тысячи их агентов, была более благоприятная обстановка?». Вразумительного ответа, естественно, я не получил.

В Польшу я все-таки поехал, но позже. Запомнилась мне поездка в связи с 30-летием освобождения Кракова в 1975 году. К нам в то время относились очень хорошо. Я был со своей группой в составе делегации города Киева, которую возглавлял Первый секретарь обкома партии. Во время торжественной встречи ему первому дали слово, и в зале раздали жиденькие аплодисменты.

С Алексеем Шаповаловым (слева) и Юзефом Зайонцем в Кракове, 1970 г.

С командиром батальона Армии Крайовой

Герардом Возницей в г. Закопане Краковского воеводства, 1969 г.

Когда же объявили, что в зале находятся советские разведчики, спасавшие Краков, зал просто ухнул аплодисментами.

Наша популярность в эти дни была настолько велика, что даже витрины магазинов пестрили портретами участников нашей группы, по телевидению крутили ролики о нашем пребывании в Кракове, и даже на улицах нас начали узнавать жители города.

Один раз меня тоже узнали цветочницы на главном Краковском рынке и, собрав со всех по цветку, подарили мне огромный букет. Такой, который возлагают каждый год к памятнику Мицкевичу в день его рождения. Конечно, я был растроган...

Приятно поразила меня тогда и встреча со студентами Ягеллонского университета. Вначале я выступал с переводчицей, а через пять минут моего выступления в зале стали кричать: «Уберите переводчицу!». Оказалось, что все студенты владели русским языком.

Я выступал перед рабочими завода «Нова Гута», который построили мои соотечественники, перед личным составом Приморской Десантной польской дивизии.

Припоминается мне посещение одного хозяина явки, который жил на окраине Кракова и у которого размещалась наша

С дочерьми Михала Врубеля Рузей (слева с дочкой) и Стефой, в доме которых находилась радиостанция группы, 1969 г.

конспиративная квартира. Во время войны при дальних переходах мы останавливались у него хоть на несколько часов передохнуть. Это была бедная, пребедная семья. В ней было шестеро детей, и когда хозяин дома пытался угостить нас чашечкой «кавы» с сухарем, мы отказывались — совестно было отрывать это от детей.

Спустя столько лет на месте бедной халупы мы увидели прекрасный особняк с садом и пасекой. В нашу честь был накрыт праздничный стол. Во время застолья руководитель польского отряда, который был с нами, спросил у хозяина: «Янек, откуда у тебя столько денег, что ты роскошно живешь? Наверное, воруешь?» (этот человек работал на мебельной фабрике). «Нет, — ответил тот, — я не ворую, я просто «спрытный и отважный». Мне слова его очень понравились, и я запомнил их навсегда.

ОККУПАНТЫ

Когда власть в Польше поменялась, и Валенса стал Президентом, нас уже так не принимали. На празднование 50-летия освобождения Кракова нашу разведывательную группу государ-

Возле дома Михала Врубеля. Крайний справа — Станислав Малек, хозяин первой явки в селе Рыбна, куда Евгений Березняк прибыл после побега из гестапо

С командиром партизанского отряда Тадеушем Григорчиком
в Кракове, 1975 г.

ственные власти Польши не пригласили. Зато общественные организации — Совет польских офицеров, Совет польских партизан и другие прислали нам свои приглашения на этот праздник. И мы с женой поехали в Польшу. Советского Союза уже не было, а Украинского Консульства в Польше еще не было, поэтому нас принимало Консульство России.

За день до торжества я зашел к консулу России в его рабочий кабинет. У него на столе лежала газета «Голос Кракова». Польский язык я немного знаю, читаю без переводчика, и я быстро пробежал глазами статью на первой странице, в которой было предупреждение: кто придет 18 января к памятнику благодарности Красной Армии, тот, значит, будет чувствовать оккупантов своей страны и тем самым вычеркнет себя из списков поляков.

Я знал эту ситуацию и отнесся к тому, что прочитал спокойно.

На следующий день проводилась большая конференция, посвященная 50-летию освобождения Кракова. Перед ее началом ко мне подошел Юзеф Скомский, который помогал нашей группе в выполнении задания во время войны. Тогда он был студентом,

сыном помещика. И без согласования с отцом длительное время снабжал нас продуктами питания. А во время провала нашей радиостанции, он добыл мне костюм и вывел меня с опасной территории.

Теперь он был уже доктором наук, заведовал кафедрой государственного университета. Он увидел в моих руках газету со статьей, которую я специально захватил с собой, и сказал: «Евгений, не обращай внимания. К сожалению, у нас еще есть люди такого сорта, которые пишут то, что ты читал. И они могут быть и в зале», — предупредил он меня.

На конференции я прослушал три доклада, в которых достоверно были изложены факты об освобождении Кракова. Потом слово предоставили мне. Я начал с того, что прочитал из газеты всю статью от начала до конца и сказал, что знаю — в зале есть люди, которые могут подписаться под этими словами. После этого я обратился к аудитории зала:

— Господа, почему вы нас называете оккупантами? — спокойным голосом начал я. — Почему вы меня называете оккупантом? Почему вы называете оккупантом мою радистку Анку, которой не было в то время 18 лет? Когда мы десантировались в район Кракова, мы знали, что 70% людей, таких как мы, погибают, но мы согласились все равно лететь к вам и помочь освободиться от немецких фашистов. Почему вы называете оккупантами 1800 советских солдат и офицеров, которые лежат в краковской земле, которые погибли за освобождение вашего города? А вы знаете, что если бы не армия маршала Конева, не группа наших разведчиков, не было бы университета, в котором сейчас проходит эта конференция, не было бы вашего знаменитого Марьякского костела, резиденции королей, если бы не эти «оккупанты...».

После этих слов наступило гробовое молчание, а потом был взрыв аплодисментов, зал стоя аплодировал мне.

— Спасибо вам, — сказал я в заключении, — за вашу порядочность и понимание, а также за то, что помогли нам выполнить наше задание. А негодяи есть и в нашей стране, — добавил я.

ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ

Только закончилась Великая Отечественная война, когда, так называемая Повстанческая армия, развернула войну против своего народа. Это были 47—49 гг.

В это время убивали людей, которые приехали с востока помогать западу поднимать сельское хозяйство, просвещение, медицину.

Я в это время заведовал Львовским городским отделом народного образования. Тогда, согласно существующим порядкам, мы трудились до одиннадцати-двенадцати часов ночи.

Однажды, когда я находился на своем рабочем месте в пол одиннадцатого вечера, раздался телефонный звонок. Это звонила моя соседка. Дрожащим, перепуганным, голосом она сказала: «Пане Эвгене, молю я Вас, не йдите сьогодні додому, бо на Вас чекають хлопци биля Вашої брами.

Это был приговор Львовской краевой рады Повстанческой армии. Были назначены время, место и исполнители, чтобы приговор смерти привести в исполнение.

Предупреждение этой дивчины спасло мне жизнь. В тот день я остался ночевать в своем кабинете. Как потом мне стало известно, моя спасительница была связной Повстанческой армии. Она настолько с уважением относилась ко мне, что даже решилась на предательство.

Когда меня сейчас спрашивают, что я думаю об этой Повстанческой армии, о Бандере, которому Президент Ющенко присвоил звание Героя Украины, что я могу сказать после всего этого?

Повстанческая армия никогда не воевала против фашисткой Германии, а вот с нами, советскими людьми, воевала.